

АНОНИМКА

Владимир Поляков

Весна в этом году случилась ранняя. Как-то сразу потеплело по-летнему, правда, ночами еще морозило, зато днем было блято-дать. Пекло. Скворцы прилетели на две недели вперед, заработали. А на проталинах даже конотоп проклюнулся.

Петр Михайлович проснулся рано. Не спалось. Повозился с полчасца, думал заснет, а не спало. Он нехотя встал, оделся, сбегал в туалет, помылся. Насторожение было какое-то паршивое, а если честно, то его вовсе не было. Залезнул в холодильник сыра, вечеринный пакет молока, местного розлива ТО "Исток", штук пачку яиц да начатая бутылка водки. Михайлич уже лет двадцать как жил один. Жена бросила, уехала с залетным халем, детей у них не было. Он всю жизнь до пенсии работал завохозом. Честно работал, добро-совестно, как сам полагал. Хотя, случалось, приворовывал. Ну да это по большому счету так, для души.

- Да, - подумал он, - придется яичницу жарить.

Выключил чайник, поставил сковороду. Пока били яйца, в окно кухни зашел, как сосед Николай прошел в сарай.

- Во, киржак, не спишь ему, и в выходные не спишь... М-да...

Позавтракал. За завтраком просмотрел вчерашнюю газету. Писали о подготовке к посевной, о работе районной полиглинии, остановились на сводке ГАИ.

- Ну, вот, - подумал вслух Петр Михайлич. - Раньше-то машин было меньше, и аварий было меньше, а сейчас у каждого второго машина, и откуда берут, на какие шиши, да иномарки все? Воруют козлы! Эх, не стало порядка, не стало.

Напротив, через улицу, на скамейку, вылез Прокоп, дедок лет восьмидесяти. Жил тоже бо-блем, старуха померла. От скуки, как только солнышко стало пригревать, он стал выходить из избы на лавочку - погреться. Старичок был еще ничего, крепенький. Михайлич частенько с дедом общался, разговаривал про жизнь, про политику, про пенсию, и долбил к ней. Михайлич набросил куртку, сапоги, шапку и вышел.

- Здрово, Прокоп! Чё, шуришься, как кот на сметану?

Дед ощерился беззубым ртом, поздоровался, закурил.

- Да, Петюнька, видно, после-дня весна моя-то пришла. Уж больно ласковая, теплая, как баба с постели. Давно такую не припомню. Солнце-то вон как жарит, а я чевой-то все мерзну, знобит.

Дед был одет в старенький полушубок, шапку и валенки с каблуками. Посидели. Сосед Николай таскал воду, задавал сено. Во дворе его мычали коровы, покрюкивали свиньи. Жена Николай выгнала гусей.

- Вон как разбуженся, - заметил Петр Михайлич, - одно слово "кулак". Раньше бы за это... Не позволили бы... Бывало боль-

ше одной коровки-то ни-ни. А теперь, глянь...

Он словно искал поддержки у Прокопа. Однако дед был настроен иначе.

- Молодец, мужик, ёшкина доля. Пока молодой - пусть работ. Волку зря не пьёт, ребятишки справные, чё еще надо? Вот батка мой крепко жил, да не давал, раскулачили, а пошто? За-чем? Кому польза-то.

Он похраптел, затоптал поинроку, вздохнул.

- Пасеку держал, колодок соор было, - продолжал он, - Со-секо у него был Егора, так вот, как мёд качать, у батки-то мёда вдвое больше. Егорша-то как не вьется, как не старается, а все не так, не идет мёдок. Он за баткой наблюдал, подглядывал, вроде всё, как он летит, а мёда нет как нет и все, ёшкина доля! Ну, дак вот, блин, блин, да и пришел, шапку на зём хлопнул, - сказывал, пошто так? А батка ему: «Да нет никакого секрета». Ну да Егорша не отста-ет, сказывай свой секрет. Батка ему и так и этак, а он все свое.

- Ну, хорошо, - говорит, - скажу, только ты никому не скажывай.

Тот божится - молчать буду, как могила, токо скажи.

- Ну, хорошо, слушай - я по прошлому году пёёлок своих со светлячками скрепсти. Вот они нынче-то, пока твои ночью спят, а мои - работ. Вот и посчитай те-перь, сколько за ночь-то мёду наберут. То-та!

Прокоп тоненько захихикал.

- Как это? - не понял Петр Михайлич, - он что в улей светляч-ков-то сажал.

Дед залился, согнулся попо-дам, закашлялся.

- Вот и ты копнул. Кха-кха-кха... Дурак ты, Петька, хоть и грамотный.

Петр Михайлич обиделся, надулся, вскочил.

- Ты, Прокоп, того, совсем обренил. Сказки какие-то тлу-плые рассказываешь... Светляч-ки...

- Да ты, Петюнька, не сердчай, ёшкина доля, я же не со зла.

Петр Михайлич плюнул, махнул рукой и пошел домой.

- Вот старый хрыч, - думал он по дороге, - и откуда что берет, ведь врёт же, врёт, а как складно.

Зашел в избу. Насторожение со-всем испортилось. Он достал бутылку из холодильника, налил в стопку, выпил, закусил сыром.

На душе было как-то пакостно. Сосед топил печку-временку на угли, варил кашу для поросят.

- Ишь, куркуль, - подумал Ми-хайлич, - и где только корма бе-рёт. Ну работает в крестьянском хозяйстве, так что? Нет, тут что-то нечисто. Раньше бы так не развёлся. Выходило бы цент-нер зерна и всё. А сейчас, изба-довали. Эх...

Включил телевизор. Шла ка-кая-то передача, что-то пели. Полуголые девицы скакали на экране, как молодые телёта.

- Ну и жизнь пошла, - горько подумал Михайлич, - раньше бы такой срам никогда не показали.

Спустился полчасца Николай за-вел машину и всей семьей поехал в район.

- На базар, - с завистью поду-мал Михайлич, - С моей пенси-ей-то нешибо разбежишься.

А надо сказать, пенсию он по-лучал небольшую, но на хлеб с маслом одному хватало. А хозяй-

ство он последние годы не держал. Был у него пай зем-ли, который он передал в аренду крестьянскому хозяйству, за что получал уголь, дрова, муку.

Михайлич надел очки, после-дние годы плохо видеть стал, читал и писал в очках, достал тетрадку и ручку и сел писать.

- Уважая административ!

Пишет Вам житель села..., ве-теран труда, напряженный ме-далью за честный и добросовес-тный труд. Из-за чистой совести своей, не могу спокойно глядеть на безобразия, которые творят-ся в нашем селе. Вот, например, Колька Сахаров, работаю в кре-стьянском хозяйстве, умудряет-ся держать трех дойных коров, более десятка поросят и прочую всякую живность. И как ему это удаётся - ума не приложу. Прав-да, работает на хозяйстве сам и жинка его помогает с ребятиш-ками. Только все равно не по-натно, зачем ему столько. Вель так и изгаляваться можно. Се-годня он, завтра другой, это что же будет. Вы уж, пожалуйста, разберитесь! С уважением к Ва-шему нелегкому труду, ветеран труда...

Здесь Михайлич остановил-ся, внимательно прочитал пись-мо, повздыхал и подписался - Аноним. Напел чистый конверт, запечатал письмо, наложил.

- Ну вот, - подумал он, - а то понимаешь...

Достал из холодильника бу-тылку, налил стопку, выпил.

Подумал: «Пойду в деревню, в магазин, подкупить кое-что надо, да и -прогуляюсь».

Он вышел на улицу. Было уже совсем тепло, пели птички, дул теплый ветерок, настроение было отличное. Сосед Прокоп дремал на лавочке. Михайлич, весело насвистывая, прошел мимо...